

Нравственный закон внутри нас

Взаимосвязь преступных наклонностей и психических отклонений издавна занимала умы. Шок от теракта, недавно испытанный белорусским обществом, внезапно и резко обострил интерес к теме психологии преступника. Тем не менее представления об этой проблеме у большинства людей носят довольно смутный характер. Достаточно сказать, что такой расхожий термин, как «душевнобольные преступники», с точки зрения специалистов является некорректным. На самом деле человеку, совершающему под влиянием психопатологической симптоматики что-либо противозаконное, можно вменить в вину общественно опасное деяние, но не преступление, поскольку последнее предполагает именно осознанность действий.

Впрочем, психологи советуют не торопиться с поиском болезненных начал в душе преступника – по их словам, в подавляющем большинстве противоправной деятельностью занимаются люди в некотором смысле совершенно обычные, которые на первый взгляд ничем не выделяются среди окружающих. Хотя на самом деле отличие, конечно же, есть: можно сказать, что при наличии свойственных нормальным людям черт личности и способности действовать, лицам, совершившим преступление, присущи также и соответствующие склонности. Прежде всего, это означает, что для них приемлема противоправная деятельность, вследствие чего они видят в подобном способе действий возможность удовлетворения тех или иных потребностей.

Кто-то, например, удовлетворяет материальные потребности, совершая кражу: предположим, ему хочется поесть, выпить или что-то приобрести. Другой может использовать для этих целей мошенничество, грабеж, разбойное нападение. К мотивам материального свойства может примешиваться цель удовлетворения статусных потребностей, самоутверждения. Есть люди, которые для реализации определенных интересов склонны применять насилие: скажем, если необходимо устранить другого человека как помеху или избавиться от него как от свидетеля. Но бывает, что мотивы совершения преступлений не прослеживаются настолько

явно: нередко они лежат гораздо глубже, в сфере подсознательного.

Как бы то ни было, их выявление и изучение выступает важной составляющей успешной работы правоохранительных органов. Вот почему этому аспекту придается большое значение уже на стадии профессиональной подготовки будущих служителей правопорядка. Еще в советские времена в милицейских вузах были введены специальные психологические дисциплины, предусматривавшие рассмотрение ряда вопросов в этой области. С обретением нашей страной независимости внимание к данному предмету усилилось. В 1992 году, когда Минская высшая школа милиции была преобразована в Академию МВД, в ней появилась кафедра психологии и педагогики, осуществляющая более специализированную подготовку в области психологии, носящую преимущественно прикладную направленность. Это достигается сочетанием преподавания общих и прикладных психологических дисциплин, ориентированных на изучение конкретных вопросов борьбы с преступностью.

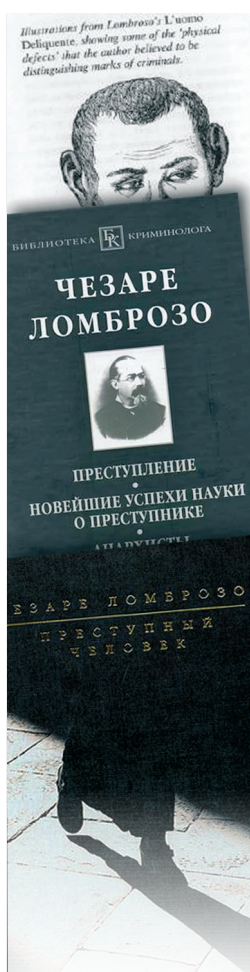
– У нас изучаются: юридическая психология, в которой рассматривается психология преступника, преступных групп, мотивация противоправного поведения, факторы правопорядка и другие вопросы; следственная психология, помогающая постигать, как оптимально проводить следственные действия; исправительная психология; планируется изучение психологии профилактической деятельности, – говорит заведующий кафедрой доктор психологических наук, профессор А.Н. Пастушеня. – Ведь каждый сотрудник милиции должен обладать достаточной степенью психологической компетентности, как, собственно, и любой другой работник правоохранительной системы. Естественно, более глубокий психологический анализ по уголовным делам в случае необходимости должны осуществлять специалисты, для чего предусматривается возможность проведения судебно-психологической экспертизы.

Нередко она позволяет приоткрыть завесу над тайнами бессознательного. Так, известно, что, наряду с потребностями в удовлетворении каких-либо интересов, некоторые категории людей подталкивает к совершению преступлений своего рода криминальное влечение. Применительно к кражам, например, оно носит название клептомания: незаконное завладение желаемым предметом сопровождается чувством удовлетворения от самого процесса, которое приносит обостренное ощущение риска, опасности и победы. Судя по всему, схожие ощущения испытывают экстремалы, совершающие головоломные трюки ради дозы адреналина.

Существуют люди, испытывающие удовлетворение от совершения поджога и созерцания содеянного, – так называемые пироманы. Есть основания полагать, что разновидностью пиромании является криминальное влечение, в основе которого лежит удовлетворение от произведения взрывов, которое получило распространение вследствие расширившейся доступности взрывных устройств в виде петард и др. А такая категория преступников, как садисты, получают извращенное удовольствие не только от самого акта расправы или мести, но и от созерцания мучений жертвы. При этом А.Н. Пастушеня подчеркивает: хотя подобные склонности могут иметь характер выраженного, граничащего с патологией, трудно управляемого силой воли влечения, человек тем не менее, как правило, остается вменяемым и вполне сознательно строит преступное поведение, планируя свои действия и принимая меры к обеспечению собственной безопасности в дальнейшем.

Понятно, что как правоохранителей, так и общество в целом волнует вопрос, откуда возникают подобные склонности. По словам А.Н. Пастушени, при ответе на него различаются два основных подхода. Согласно первому, истоки криминальных наклонностей могут уходить корнями в наследственный генотип, то есть передаваться по наследству. Однако заведующий кафедрой отмечает, что этот подход нельзя считать достаточно научно обоснованным, хотя и не отвергает его с порога, признавая за ним определенные моменты, заслуживающие внимания. В частности, по

наследству могут передаваться задатки эмоционально неуравновешенного поведения, большей выраженности чувства гнева и неспособности контролировать его в тех или иных ситуациях, но они не несут фатальной предопределенности конфликта с законом. Гораздо большее значение, утверждает Александр Пастушеня, имеют те влияния, которые личность испытывает извне в процессе социализации. То, какие примеры человек видел и каким воздействиям подвергался, в какие виды деятельности и условия был включен, накладывает неизгладимый отпечаток на формирование его личности.

Александр Николаевич приводит пример из своей практики, когда ему пришлось общаться с молодым человеком, совершившим попытку задушить своего сверстника – тот не выполнил каких-то договоренностей. К счастью, злоумышленнику, обуреваемому чувством мести, не удалось довести задуманное до конца: помешали окружающие. Тем не менее профессора заинтересовало, почему этот несостоявшийся убийца выбрал именно такой способ вымещения своей обиды. На вопрос, душил ли он кого-либо прежде, молодой человек ответил отрицательно. Но психолог продолжал расспросы, в ходе которых выяснилось: в раннем детстве тот стал свидетелем сцены, когда старшие ребята подобным способом расправлялись с кошкой, а остальные стояли вокруг и смеялись. В неокрепшем сознании отпечаталось: душить – это весело, что и сделало впоследствии такой способ сведения счетов психологически близким для преступника.

Достоверно установлено: если ребенок в раннем детстве подвергается насилию, скажем, избиениям и оскорблениям со стороны родителей, то в результате у него формируются две психологические тенденции: с одной стороны, тревожность, а с другой – приемлемость использования насилия для восстановления своего статуса. Испытанное некогда чувство униженности человеку необходимо компенсировать, и он делает это, обижая, по примеру родителей, более слабого. Можно предвидеть, что впоследствии агрессивное поведение станет для него приемлемым способом решения различных жизненных вопросов. Точно так же недобрую службу может сослужить

похвала, полученная от сверстников за какой-то предосудительный поступок.

Продолжая исследование причин возникновения криминальных наклонностей, специалисты выделили ряд потребностей и влечений, которые способны в перспективе толкнуть людей на преступный путь. В частности, одним из таких факторов является наркомания. Для регулярного употребления наркотиков требуются деньги, причем немалые. Будучи человеком зависимым, наркоман не в состоянии заработать их в необходимом количестве законным путем, что фактически обрекает его на совершение определенных корыстных преступлений. В равной степени сказанное относится и к людям с игровой зависимостью.

А вот связи криминального поведения с уровнем материального достатка в семьях установить не удалось. Значительно большее влияние на развитие противоправных склонностей оказывают нравственные установки, царящие в ближайшем окружении и обществе.

К примеру, в послевоенные годы, когда люди жили бедно, количество преступлений, совершаемых в нашей стране, было почти в десять раз меньшим, чем в настоящее время. Бурный рост криминальной активности пришелся на период перехода к новым экономическим отношениям. Резко возросло количество корыстных преступлений, что многие специалисты объясняют увеличением степени экономической свободы.

Благогатной почвой для роста преступности может стать и появление новых сфер деятельности, в частности информационных технологий. Вокруг них формируется особое сообщество людей, целиком посвящающих себя избранному интересу. Но та самая погруженность в параллельный мир, которая позволяет добиваться высоких результатов в избранной профессии, порой приводит к отрыву от нормального человеческого общения и как следствие — к деформации существующих моральных устоев. В итоге киберпреступность, ставшая приметой времени, набирает обороты, выдвигая перед правоохранителями новые вызовы.

А.Н. Пастушеня подчеркивает, что первичны не экономические обстоятельства, а менталитет, который складывается под влиянием проводимой в обществе идеоло-

гической и информационной политики с учетом признанных в тот или иной исторический момент стандартов успешности и престижности. Причем, напоминает Александр Николаевич, этот менталитет очень легко разрушить, намного проще, чем потом воссоздать. Некоторые из нас еще помнят моральный кодекс строителя коммунизма — своеобразный свод принципов социального поведения, охватывавший практически все сферы жизни. В чем-то ассоциировавшийся у некоторых с библейскими заповедями, этот документ фактически выступал идейной основой социального воспитания советских людей. Период распада СССР, когда прежние нравственные подходы отвергались, а взамен ничего не предлагалось, закономерно ознаменовался всплеском преступности.

Неудивительно, что все большее число специалистов говорит о необходимости создания в стране комплексной системы правового воспитания, нацеленной, прежде всего, на формирование внутренних запретов по отношению к совершению

ГУВД Минска, Академия МВД и комитет по образованию Мингорисполкома каждый год проводят турнир по футболу среди «трудных подростков»

противоправных действий. Определенная работа в этом направлении проводится, о чем свидетельствует, в частности, существенное уменьшение за последних два-три года числа совершаемых в стране преступлений, в первую очередь убийств, причинения тяжких телесных повреждений, повлекших смерть, и др. Это очень важный показатель с точки зрения укрепления правопорядка: если благоприятную динамику количества некоторых других преступных проявлений можно списать на то, что люди о них не всегда заявляют, то к особо тяжким преступлениям это не относится. По понятным причи-

нам они регистрируются в полном объеме, вследствие чего считаются индексными, то есть отражающими реальные тенденции. Однако, как полагает А.Н. Пастушеня, принимаемых мер недостаточно.

– Сейчас упор делается на систему контроля, выявления и наказания за совершение противоправных деяний, – говорит он, – в то время как за кадром зачастую остается воспитательный аспект и информационное обеспечение правопорядка.

Именно здесь значение правового воспитания неопределимо. Причем начинать его нужно уже со школьной скамьи, поскольку доказано: психика особенно пластична и склонна впитывать различные влияния в более раннем возрасте. Примеров противоположного свойства тоже, конечно, хватает, и все же подготовленную личность сбить с пути истинного гораздо сложнее.

– Мы учим детей физике, химии, математике, – продолжает А.Н. Пастушеня. – Но кто же будет учить их тому, чтобы они жили по-человечески? Родители? Однако их, в свою очередь, этому тоже никто не учил. Как известно, у подростков уголовная ответственность наступает в 16, а по тяжким преступлениям – с 14 лет. Значит, необходимо, чтобы к этому возрасту государство объяснило им все нюансы, связанные с последствиями незаконных действий. Тем самым оно выполнит свою функцию в подготовке человека к законопослушной жизни и после этого с полным основанием будет применять юридическую ответственность.

По мнению профессора, необходимо ввести специальный предмет правового обучения, который преподавался бы на протяжении длительного времени, затрагивая систему среднего специального и высшего образования. При этом соответствующий курс должен быть не изучающе-познавательным, а воспитывающим. Одно дело на словах объяснить подростку, что такое уголовная ответственность, а другое – представить возможность воочию увидеть, что такое суд, слезы потерпевших, самого обвиняемого, что такое, в конце концов, система исполнения наказаний. Только построенное на убеждении, на образных примерах формирование правовых принципов может обеспечить воспитание законопослушного гражданина.

Правовое воспитание должно подкрепляться соответствующим информационным обеспечением. Осуществляя его, следует учитывать одно очень важное обстоятельство: чрезмерное муссирование темы преступности и ее широкое освещение также может быть чревато издержками. Акцентируя внимание на эпизодах, которые не присущи жизни нормального социума, легко переступить грань, за которой начинается их своеобразная популяризация. А ведь всегда существует прослойка морально неустойчивых личностей, особенно среди подростков, которые, услышав о тех или иных криминальных проявлениях, хотят попробовать сделать то же самое, удовлетворяя интерес «попробовать», испытать острые ощущения.

Эти нюансы накладывают большую ответственность на средства массовой информации, в первую очередь те, на которые ориентируется молодежная аудитория, – телевидение и Интернет. Практика показывает, что бесконтрольность их деятельности может приводить к чудовищным преступлениям. Например, нельзя «недооценить» роль электронных СМИ за рубежом в совершении массовых немотивированных расстрелов в школах, супермаркетах и просто на улицах, сообщения о которых периодически сотрясают общественность.

По поводу таких эксцессов специалисты единодушны во мнении: это дело рук душевнобольных людей. Поэтому тема продолжается в разговоре с директором Республиканского научно-практического центра психического здоровья доктором медицинских наук, профессором С.А. Игумновым.

– Сергей Александрович, можно ли предвидеть возможность преступления, основываясь на данных медицинских диагнозов?

– Сразу хотелось бы отметить, что большинство лиц, совершивших преступление, являются вменяемыми, то есть способными сознавать значение своих действий и руководить ими. Если мы сосредоточимся на клинических особенностях личности тех преступников, которые имеют психические расстройства, то мы обнаружим, что тяжелые, выраженные психические нарушения характерны для меньшинства таких людей. И все же есть диагностические рубрики,

при которых вероятность совершения преступления или общественно опасного деяния выше, чем в среднем для популяции. Известный финский судебный психиатр М. Эронен приводит следующие данные: если такая широко распространенная психическая патология, как депрессивные расстройства, не приводит к увеличению риска опасных насильственных действий, то при расстройствах личности этот показатель достигает 12, а при сочетании алкогольной зависимости с шизофренией – 17 раз.

– *Всегда ли наличие психического заболевания является основанием для освобождения от ответственности?*

– Приведу пример из беседы с коллегой – судебным психиатром из Израиля. Разбиралось дело об убийстве. Человек, которого обвиняли, при наличии достаточных улик заявил: мне приказал убивать «голос шайтана». Сумасшедший, казалось бы. Но когда в ходе экспертизы ему начали задавать перекрестные вопросы, постепенно выяснилось, что «шайтан» давал советы, руководил действиями задержанного и даже помогал укрывать труп. Так, беседуя исключительно о «шайтане», создали портрет реального сообщника злоумышленника, который был идентифицирован и изобличен. Естественно, оба оказались вменяемыми. Дело в том, что если люди, хотя бы двое, сговорились о совершении преступления, они могут сознавать значение своих действий. Глубоко сумасшедшие одиноки в своих бредовых идеях. И если представить, что два человека, считающие себя Наполеоном или Иваном Грозным, будут помещены в одну палату, они не найдут друг с другом общего языка, и один другого будет считать «самозванцем». В этом и суть тяжелых психических расстройств, что они нарушают чувство общности. Отчасти, хотя и неустойчивая, общность может возникать между людьми с социопатическими тенденциями, особенно в достижении какой-то преступной цели, скажем, незаконно обогатиться, кому-то отомстить и так далее. Но эти люди, как правило, признаются вменяемыми.

Возможен и еще один вариант, известный в судебной психиатрии, когда человек с явным расстройством психики используется какой-то организованной преступной группой в своих целях. Чаше так манипу-

Сергей ИГУМНОВ

Директор
Республиканского научно-практического центра психического здоровья,
доктор медицинских наук,
профессор

лируют людьми с выраженной умственной отсталостью, реже удается хитро подстроиться под действительный бред. Но в таких случаях речь идет об использовании больных в качестве слепого орудия. Ситуации же, для которых характерна достаточно ловкая маскировка поведения, сложная последовательность действий, не из этого разряда. Зато известно, что человек с про-социальными тенденциями, то есть положительный, даже заболев психически, не станет совершать общественно опасных деяний. Если какие-то психопатологические «голоса» деструктивного характера придут к такому человеку, он скорее пойдет на попытку самоубийства, разрушит себя, но не станет разрушать окружающее.

Кстати, в свете последнего хочется высказаться в пользу кампаний по изъятию оружия, взрывчатых веществ и так далее, потому что последние, будучи недостаточно контролируемые, могут не только попасть к преступникам, но и стать орудием самоубийства. Приведем пример: в США, где на руках у населения находится свыше 300 млн. единиц только зарегистрированного огнестрельного оружия – от дамских браунингов до базук, 60 % самоубийств совершаются с его применением. В Великобритании, стране с той же англосаксонской ментальностью, в которой существуют строгие ограничения, включая психиатрические, на приобретение огнестрельного оружия, самоубийств с его использованием совершается пропорционально в 10 раз меньше.

ГДЕ КУПИТЬ ЖУРНАЛ?

АДРЕСА МАГАЗИНОВ И КИОСКОВ «БЕЛСОЮЗПЕЧАТИ» В МИНСКЕ, ГДЕ ПРОДАЕТСЯ ЖУРНАЛ «БЕЛАРУСКАЯ ДУМКА»:

Автовокзал «Восточный»	Ул. К. Маркса, 1	Ул. Славинского, 37А
Ул. Володарского, 16	Ул. К. Маркса, 21	Ул. Советская, 11
Ул. Володарского, 22	Ул. К. Маркса, 38	Ул. Сурганова, 40
Ул. Есенина, 16	Нац. аэропорт Минск	Ст. метро «Пл. Победы»
Ул. Жилуновича, 31	Пр. Независимости, 8	Ст. метро «Пушкинская»
Ул. Жуковского, 5/1	Пр. Независимости, 44	Ст. метро «Уручье»
Ул. Жуковского, 10А	Пр. Независимости, 74	Торг. центр «Столица»
Ул. Запорожская, 22	Пр. Партизанский, 56	Ул. М. Танка, 16
Ул. Кижеватова, 80/1	Пр. Победителей, 51/1	Ул. Филимонова, 63
Ул. Я. Коласа, 67	Пр. Победителей, 91	Ул. В. Хоружей, 24 к. 2
Ул. Ленина, 14	Пл. Привокзальная, 3	Бул. Шевченко, 7
Ул. Ленина, 15	Пр. Пушкина, 77	
	Пр. Рокоссовского, 140	

– *Насколько опасны психически больные преступники, прошедшие курс лечения?*

– Лечение, проводимое в таких случаях, достаточно эффективно. Скажем, если мы хорошо пролечим пациента с инфекционным заболеванием, риск заразить других исчезает. Точно так же хорошо купированный психоз приводит к тому, что люди перестают представлять опасность для окружающих. Существуют последовательные шаги, которые позволяют надежно убедиться: подобная опасность миновала. Если же признается, что человек представляет непосредственную опасность для окружающих, в таком случае проводится стационарное лечение в условиях усиленного или строгого режима. Как правило, подобные меры безопасности реализуются в специализированном психиатрическом стационаре. В случае меньшей степени опасности могут осуществляться меры принудительного лечения в условиях обычного режима, то есть люди находятся в обычных психиатрических отделениях под круглосуточным наблюдением медицинского персонала. Если состояние человека улучшилось, то есть исчезла психопатологическая симптоматика, явная и скрытая агрессия как в мыслях – существуют специальные психологические методы, позволяющие отслеживать бессознательные психические тенденции, так и в поведении не проявляется, человека могут по решению суда на основании представления из психиатрической клиники перевести на амбулаторное принудительное лечение. Там за ним тоже тщательно наблюдают врачи, патронажные медицинские сестры и так далее. Только после этого пациент может быть переведен на обычное диспансерное наблюдение, и пройдут годы, прежде чем он может быть с него снят.

– *Если причиной большинства преступлений являются не тяжелые психические заболевания, то что лежит в их основе?*

– Наиболее часто у лиц, совершающих общественно опасные деяния, и при этом, как правило, признаваемых виновными, встречается так называемое диссоциальное, или антисоциальное расстройство личности. Существуют международные крите-

рии данной патологии. Во-первых, при ней наблюдается грубое несоответствие между поведением и господствующими социальными нормами. Для такой патологии характерно наличие, по меньшей мере, трех из ряда приводимых в классификации признаков или особенностей поведения. Прежде всего, к ним относится бессердечное равнодушие к чувствам других, а порой и стремление заставлять других людей страдать. Во-вторых, грубая стойкая позиция безответственности и пренебрежения социальными правилами и обязанностями. В-третьих, неспособность поддерживать длительные взаимоотношения. Следующая психологическая характеристика – низкая

В рамках республиканской акции «Нечем заняться? Обращайся к нам!» в столичной школе № 161 прошли мероприятия, направленные на правовое просвещение подрастающего поколения. Октябрь 2010 года

толерантность к фрустрации. У каждого человека может возникнуть ситуация, когда он не может достичь желаемого. Ребенку хочется конфетку, а она – в руках у другого, взрослому хочется иметь украшение из бриллиантов, а оно – в стеклянной витрине. Обычный человек нормально воспринимает тот факт, что на пути к достижению цели лежит длинная цепочка каких-то поведенческих актов. Необходимо хорошо учиться либо хорошо поработать, чтобы приобрести предмет желаний. Людям с низкой толерантностью к фрустрации все нужно здесь и сейчас: ребенок ворует сладости у одноклассника, взрослый разбивает витрину и хватает бриллианты. Граница между «мое» и «чужое» у них отсутствует, понимание того, что для обретения желаемого необходима упорная работа, тоже. И на этом фоне наблюдается низкий порог разряда агрессии, включая насилие.

Кроме того, такие люди чаще всего не способны испытывать чувство вины и извлекать пользу из жизненного опыта, в том числе из наказания. Оно ожесточает их, делает их поведение более изощренным, но мысль о том, чтобы каким-то образом исправиться и изменить свой стиль жизни, им в голову не приходит. Они готовы винить во всех грехах кого угодно: родителей, окружение, порядки в стране – только не себя. Везде они видят сор, не пытаясь извлечь бревно из собственного глаза.

– *Можно ли утверждать, что многие преступники, в особенности серийные, имеют диссоциальное расстройство личности?*

– Во всяком случае, такая констатация будет очень близка к истине. Стоит заметить, что подобные расстройства формируются не на пустом месте, не возникают из ничего. Как правило, первые черты, на которые надо обратить внимание, появляются уже в старшем детском или младшем подростковом возрасте – это признаки повышенной возбудимости или неконтролируемой агрессии. При этом известно, что диссоциальные личности вектор своей агрессии направляют на слабейших, то есть тех, кто не может дать сдачи. Поэтому будущие социопаты обижают младших детей, могут напасть на пожилых людей, даже инвалидов, потому что с их точки зрения это безопасно, и чаще всего «поджигают хвост», сталкиваясь с превосходящей силой.

Люди с перечисленными качествами встречались всегда, и чем более попустительски общество относится к описанным проявлениям, тем больше шансов, что они выплеснутся наружу. В этом убеждают картины из современной зарубежной действительности, которые приходится наблюдать. Когда бушуют страсти, идет стрельба, диссоциальные личности, подобно пене, всплывают на поверхность. Солдаты из них, как правило, никакие, а вот мародеры – первый сорт.

– *К числу глобальных угроз, вставших в последнее время перед многими странами мира, относится терроризм. Что можно сказать о психике людей, совершающих террористические акты?*

– Это действительно огромная проблема. Позвольте мне для ответа сослаться на

тех, кто имеет достаточно большой опыт ее решения. В августе 2007 года мне довелось побывать на конгрессе по детской психиатрии во Флоренции. Там прозвучал очень интересный совместный доклад израильских и палестинских психологов, которые решили преодолеть стену взаимного отчуждения и непонимания и разобраться, что же делает людей террористами. Докладу предшествовало многолетнее социологическое и психологическое исследование арабов-бедуинов, ведущих полукочевой образ жизни в пустыне Негев.

Несмотря на то, что по образу жизни Израиль приближается к развитым европейским странам, в упомянутой местности

продолжают сохраняться обычаи и нравы, которые существовали, вероятно, еще в средневековье. Там очень большие многодетные семьи, низкий уровень жизни, высокая детская и материнская смертность и значительный уровень криминализации. Вследствие этого для данной популяции характерна низкая субъективная ценность жизни. Добавьте к этому социально-экономические факторы. Семья погибшего шахида получает от различных фондов, которые обычно содержатся ваххабитами Саудовской Аравии, значительные деньги. В рамках общины, где уровень жизни очень низкий,

сотни долларов являются огромной суммой, и шахид, убивающий себя, обеспечивает безбедное существование своих многочисленных братьев и сестер.

Существует и еще один фактор, нередко остающийся в тени, хотя, по большому счету, он хорошо известен со времен крестовых походов, – это фактор наркотизации. В XI–XII веках особую угрозу для предводителей крестоносцев представляли так называемые ассасины: название происходит от арабского хашшишин, буквально – потребители гашиша. Любопытно, что технология подготовки наемных убийц с тех пор не претерпела значительных изменений. Юношей, чаще всего из среды бедняков, неустroенных, «Старец Горы» Хусейн держал в горах, в изоляции от

Занятия в учебно-практическом экспертно-криминалистическом подразделении на базе следственно-экспертного факультета Академии МВД

внешнего мира, и приучал к наркотикам. Этих людей в состоянии наркотического опьянения приводили во дворец, где они видели роскошь, красивых женщин, утрачивая границу между реальностью и сном, и затем приходили в себя на соломенной подстилке. В состоянии абстиненции им властно внушалось: соверши то или иное действие, и ты навсегда останешься в раю, который видел. Многоступенчатая система организации наемных убийств гарантировала, что посвященным высшего уровня не придется сталкиваться с низшими, или, выражаясь современным языком, исполнителями террористических актов. Знакомая схема, не правда ли, разве что диапазон психотропных веществ расширился. Необходимо сделать лишь небольшую поправку на технический прогресс и на изменившиеся масштабы действий фанатиков разного толка.

– *Что общество может противопоставить криминализации во всем многообразии ее проявлений?*

– Альберт Бандура, крупнейший американский психолог украинского происхождения, рассматривал агрессию как приобретенное социальное поведение через прямое и викарное, то есть заместительное, косвенное научение насилию. По его мнению, усвоение агрессивного поведения берется непосредственно из опыта и научения посредством наблюдения и является результатом прямого подкрепления таких действий. Важно помнить, добавляет ученый, что регуляторами агрессивного поведения выступают материальное поощрение или наказание, общественная похвала или порицание такого поведения, а также возможность наблюдать, как поощряют или наказывают других. Поэтому от того, как реально на словах и на деле общество поощряет или наказывает те или иные действия, зависит и отношение к ним. Известен очень мудрый юридический принцип, который гласит: эффективность наказания не в жестокости, а в его неотвратимости. Действительно, если ловят лишь одного из ста преступников, то даже если его сварят живьем в кипятке, это вряд ли подействует должным образом. Если же поймают и хотя бы временно изолируют от общества 99 из 100, это будет эффективно.

– *Научение насилию посредством наблюдения – что здесь имеется в виду?*

– Не в последнюю очередь, безусловно, сцены жестокости и насилия, которые доводится созерцать телезрителям и компьютерным пользователям. Вспомните, еще в сравнительно пуританские для нас 80-е годы прошлого века говорили, что американский подросток к моменту взросления видит не менее 20 тысяч сцен насилия. К сожалению, это то, в чем мы догнали Америку, а возможно и перегнали. Потому что американцы вовремя спохватились и начали вводить моральную цензуру, и на

порносайты там доступ несовершеннолетним закрыт, и специальная кодировка каналов применяется.

А ведь, становясь свидетелем насилия, зритель помимо своей воли нередко отождествляет себя с агрессором. И здесь уместно привести наблюдение Льва Толстого, который в своих дневниках писал: когда

Депутаты Палаты представителей во время посещения Могилевского государственного специального профессионально-технического училища закрытого типа № 2. Май 2011 года

в романе некий читатель читает о том, что героиню изнасиловали, то в незрелом раннем возрасте он будет испытывать чувство похоти, а в более зрелом – чувство негодования. Это различие очень существенно. Оно говорит о том, что со временем, когда созревает личность, возникает и способность к воплощению в другого человека, к сопереживанию, и люди начинают испытывать просоциальные чувства. В этом смысле лица с преступным поведением в плане морального развития подобны незрелым девиантным подросткам. Именно поэтому они чаще всего не способны к созданию стабильной семьи, вовлечению в длительные отношения и пребывают в какой-то неустойчивой подростковой группе. Она развивается в неправильном направлении, употребляет спиртное, наркотики и постепенно становится уже не подростковой группой, а дегенеративным сообществом – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Галина МОХНАЧ